

УДК 002.2(091)(049.32)

ББК 76.1г

DOI 10.25281/0869-608X-2021-70-1-35-42

А.В. СОКОЛОВ

Рождение Библиологоса (к 100-летию Института книговедения)

Реферат. Монография М.Н. Колесниковой «Опережавшие время: к 100-летию Института книговедения (Петроград — Ленинград, 1920—1933 гг.)», вышедшая в свет в 2020 г., является ценным вкладом в историю книговедения, библиотековедения, библиографоведения, в общую историю российской культуры и увлекательным учебным пособием для студентов библиотечно-информационной и медиакультурной школы. История Института книговедения — наглядная иллюстрация взаимоотношений между тоталитарной властью и творческой интеллигенцией. Монографию, в которой детально собраны биографические сведения о сотрудниках Института книговедения, можно назвать справочником библиокниговедческой элиты Ленинграда 1920-х годов. В поле зрения сотрудников Института книговедения находились все классические проблемы библиографоведения, библиотековедения, книговедения. Учитывая конструктивную программу деятельности и сильный коллектив энтузиастов, Институт смог бы вырасти в подлинно научно-исследовательское учреждение, если бы общее развитие страны пошло по-другому.

На основе анализа научно-исследовательской и учебно-педагогической деятельности Института сделан вывод, что его можно считать местом рождения российского Библиологоса. Библиологос трактуется двояко: во-первых, как социальная группа интеллигентов-книжников, обеспечивающих функционирование национальной библиосферы; во-вторых, как универсум библиологических знаний, воплощенных в книжной форме в результате научной, педагогической и практической деятельности интеллигентов-книжников. Необходимо сохранить память о ленинградском Институте книговедения, послужившем «колыбелью русского Библиологоса», в истории книжной культуры.

Ключевые слова: библиография, библиология, Библиологос, библиосфера, библиотековедение, Институт книговедения, интеллигенция, история, книговедение, логос, репрессии, Россия, советская власть.

Для цитирования: Соколов А.В. Рождение Библиологоса (к 100-летию Института книговедения) // Библиотековедение. 2021. Т. 70, № 1. С. 35—42. DOI: 10.25281/0869-608X-2021-70-1-35-42.

Аркадий Васильевич Соколов,

Санкт-Петербургский государственный институт культуры, профессор
Дворцовая наб., д. 2,
Санкт-Петербург, 191186,
Россия

доктор педагогических наук
ORCID 0000-0002-7745-2174;
SPIN 7496-4193
E-mail: sokolov1.spb@gmail.com

Марина Николаевна Колесникова — автор вышедшей в свет в 2020 г. монографии, посвященной 100-летию Института книговедения¹, существовавшему в Петрограде (Ленинграде) в 1920–1930-е гг. [1], не упоминает о Библиологосе. Излагая краткую, но поучительную и драматичную историю Института книговедения, воссоздавая коллективный портрет сотрудников, соратников и оппонентов, она правдиво воспроизводит искания и открытия революционного поколения исследователей наук о книге без обращения к древнегреческой мифологии. Богатейшая и тщательно собранная фактографическая база позволяет считать исследование М.Н. Колесниковой ценным вкладом в историю книговедения, библиотековедения, библиографоведения, в общую историю российской культуры и увлекательным учебным пособием для студентов библиотечно-информационной и медиакультурной школы (рис. 1). Очень точно сформулировала суть своего труда сама М.Н. Колесникова: «Деятельность Института книговедения в Петрограде-Ленинграде составила неотъемлемое звено в развитии ряда дисциплин социально-коммуникационного цикла в нашей стране в

ее ранний советский период. Многие напряженные перипетии этого времени наглядно отразились в судьбе учреждения, созданного романтиками науки в надеждах о справедливом, просвещенном будущем, одухотворенном знанием мира книги, ее непреходящим гуманизмом» [1, с. 225].

Восхищаясь профессионализмом и самоотверженностью библиотечной интеллигенции, по словам автора, «опережавшей время», Марина Николаевна умолчала о немаловажной, можно сказать, уникальной особенности своей монографии. Поскольку «искания и открытия исследователей наук о книге» представляют собой не что иное, как проявления разума интеллигентов-книжников, история Института книговедения естественно вписывается в историю российского Библиологоса. Книговедческий центр, созданный героическими интеллигентами-книжниками в 1920 г. в голодном, холодном и темном Петрограде с целью «всестороннего изучения книговедения в полном объеме» [1, с. 13], знаменует неординарное научно-этическое и историко-культурологическое событие — рождение российского Библиологоса. Осмыслению этого события посвящена настоящая статья.

Терминологическая преамбула

Библиологос — неологизм, лексическое значение которого нетрудно распознать: «библио» ассоциируется с понятием «книга» в общеизвестных словах «библиотека», «библиография» и других, а древнегреческое слово «логос» напоминает нам о «логике», «разуме», «истине». Библиологос — это «разум мира книг», точнее, — «книжный разум, сотворивший библиосферу». *Библиосфера* означает область бытия (существования) книжной культуры. В структуру библиосферы входят социально-коммуникационные институты (системы или отрасли книжного дела): издательское дело, полиграфическая промышленность, книжная торговля, библиотечное дело, библиографическое дело. Каждый институт включает функциональные подсистемы: практику, образование, науку, специальную коммуникацию, менеджмент. Помимо отраслевых институтов, органами библиосферы являются библиофильское социально-культурное движение; некоммерческие и коммерческие учредители, добровольные общества (ассоциации); государственные ор-

Рис. 1. Обложка издания [1]

Таблица 1

Структура библиосферы

Социально-коммуникационные институты					Иные органы библиосферы	
Издательское дело	Полиграфическая промышленность	Книжная торговля	Библиотечное дело	Библиографическое дело	Библиофильское социально-культурное движение	Некоммерческие учредители
Функциональные подсистемы					Коммерческие учредители	Добровольные общества (ассоциации)
Практика						
Образование						
Наука					Государственные органы управления и цензуры	Телекоммуника- ционная и компьютерная цифровая техника
Специальная коммуникация						
Менеджмент						

ганы управления и цензуры; телекоммуникационная и компьютерная цифровая техника (табл. 1).

Книжный разум реализуется в материальной и идеальной формах. Соответственно, *Библиологос* можно трактовать двояко: во-первых, как *социальную группу* интеллигентов-книжников, обеспечивающих функционирование национальной библиосферы; во-вторых, как *универсум библиологических знаний*, воплощенный в книжной форме в результате научной, педагогической и практической деятельности интеллигентов-книжников. Солидные ученые феномен Библиологоса не анализировали, хотя президент Русского библиологического общества А.М. Ловягин (1870—1925) в свое время предложил концепцию *библиологии* как научной дисциплины, объединяющей в целостную систему все знания о книге. Однако в качестве предмета библиологии А.М. Ловягин избрал не Библиологос, что было бы оправдано семантически, а «книжное общение» в его генетике (происхождение и эволюция), статике (способы книжного общения) и динамике (бытование книги в обществе). Говоря современным языком, теоретик библиологии отождествил ее с метатеорией социальной коммуникации, обобщающей все дисциплины библиодокиментологического цикла.

В системе «библио» наук были предусмотрены библиосоциология и библиопсихология. Необходимой составляющей системы являлись интеллигенты-книжники, обладавшие двумя библиологическими свойствами:

- значительное умственное развитие и читательский опыт;

- библиофильская эмоция, состоящая в бескорыстно-самоотверженном почитании книги, мотивирующем поведение книголюбца («магия книги»).

Однако поскольку библиографическая, библиотечная или книговедческая отрасли, озабоченные просвещением народа и сохранением национальной памяти, всерьез «книжным разумом» и «магией книги» не интересовались, термин «библиологос» отсутствует в их лексиконах, хотя философский термин «логос» был на слуху в Серебряном веке. В отличие от книговедов, философы и Отцы Церкви не отказываются от использования в своих сочинениях понятия «Логос», уважительно записывая его с прописной буквы. Уместно напомнить смысл этого термина.

Первооткрывателем считается Гераклит (VI век до н. э.), назвавший логосом не простое высказывание, а «истинное рассуждение», выраженный словами смысл, управляющий миром. Античные философы, варьируя формулировки, трактовали логос как первопричину мира, как основу основ его существования, наиболее глубокие и существенные его закономерности. Гегель (1770—1831) называл «логосом» абсолютное понятие. В 1900 г. С.Н. Трубецкой (1862—1905) в докторской диссертации «Учение о Логосе в его истории» и других публикациях познакомил российских философов с различными античными школами и показал трансформацию древнегреческого

логоса в христианский «логос» [2]. Значение понятия «логос» в христианстве определено первой фразой Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1:1); вся история земной жизни Иисуса Христа интерпретируется как воплощение и «вочеловечение» логоса. Выдающийся философ и филолог С.С. Аверинцев (1937–2004) в своем словаре «София — Логос» дал следующее толкование: «Логос — термин... означающий одновременно “слово” (или “предложение”, “высказывание”, “речь”) и “смысл” (или “понятие”, “суждение”, “основание”); при этом “слово” берется не в чувственно-звуковом, а исключительно в смысловом плане, но и “смысл” понимается как нечто явленное, оформленное и постольку “словесное»» [3, с. 277]. Русские философы-идеалисты Серебряного века и поэты-символисты часто обращались к понятию логоса, но в 1920-е гг. уже не они задавали тон в общественном мнении, поэтому публичное признание Библиолога исключалось, а вот культивирование его под идеологически нейтральной декорацией практиковалось в научной и образовательной деятельности Института книговедения с момента его основания в 1920 г. до ликвидации в 1933 году.

Библиологос в истории Института книговедения

Перемещение в июле 1920 г. Российской книжной палаты (РКП), созданной Временным правительством в апреле 1917 г., из Петрограда в Москву обусловило потребность в заполнении освободившегося места. В августе 1920 г. коллектив РКП принял решение — переименоваться в Российский институт книговедения и сосредоточиться на научно-исследовательской работе. Почему предпочли «книговедение», а не «библиографию», которой традиционно занималась РКП? Есть основания полагать, что это решение отразило стремление расширить научный профиль вновь созданного научного центра за счет охвата всего комплекса процессов, связанных с редактированием, изданием, описанием, распространением через книжную торговлю и библиотеки, а также чтением книжной продукции. Данный комплекс представляет собой не что иное, как *универсум библиологических знаний*, символизирующий Библиологос. Учитывая это, вновь созданный научный центр логично было бы назвать «Институт Библиоло-

госа» или (более благозвучно) «Библиологический институт». Последний вариант кажется наиболее привлекательным, тем более, что с 1899 г. существовало Российское библиологическое общество, членами которого были многие интеллигенты-книжники. Однако, как показала реальность, идея соорудить на развалинах Книжной палаты памятник русскому Библиологосу оказалась нежизнеспособной.

Администраторы Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) РСФСР, руководившие Институтом книговедения из Москвы, подозрительно взирали на аполитичных интеллигентов-книжников, большинство которых были выходцами из дворянских и разночинных слоев, нелояльно настроенных по отношению к советскому режиму. В мае 1922 г. перед Институтом книговедения были поставлены три задачи:

- научная — разработка книговедения во всем объеме;
- практическая — библиографирование произведений печати;
- учебная — подготовка работников книжного дела.

В 1925 г. политика поменялась: Институту предписывались научные исследования в области книговедения на основе диалектического материализма и популяризация научных книговедческих знаний в духе революционного марксизма и ленинизма. В том же году Институт книговедения был присоединен к Государственной публичной библиотеке в Ленинграде (Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, ныне — Российская национальная библиотека) в качестве научно-исследовательского подразделения при ней. Оскорбленные книговеды начали борьбу с дирекцией Государственной публичной библиотеки в Ленинграде за отделение от Библиотеки, и в 1929 г. добились юридической самостоятельности, но дни советского книговедения были уже сочтены. В 1930–1931 гг. книговедческую атмосферу омрачали постоянные проверки и «чистки», склоки отдельных ученых, а также конфликты между Институтом книговедения и Институтом книги, документа, письма Академии наук СССР. В августе 1932 г. Наркомпрос РСФСР объявил, что главная задача Института книговедения состоит во «всестороннем изучении советской книги как орудия культурной революции» [1, с. 43]. Наконец, в марте 1933 г. Наркомпрос РСФСР принял решение о ликвидации Института (табл. 2).

Таблица 2

Программа Института книговедения

Год	Деятельность Института, задачи и их изменение в соответствии с идеологическим заказом
1920 — образование Института книговедения	Всестороннее изучение, научная разработка книговедения в полном объеме
1922	Библиографирование произведений печати
	Подготовка работников книжного дела
1922—1924	Теоретические и методические проблемы библиографии
	История рукописной и первопечатной книги
	Полиграфия и книжная торговля
	Книгоиздательство в СССР и за рубежом
	Методы библиотечной работы
	Десятичная классификация
	История библиотек и др.
1925 — Институт книговедения был присоединен к Государственной публичной библиотеке в Ленинграде	История, теория, методология библиографии
	Разработка книговедения в духе революционного марксизма и ленинизма
1929 — обретение статуса самостоятельного учреждения	Всестороннее изучение советской книги как орудия культурной революции
1933 — ликвидация Института книговедения	

История Института книговедения (1920—1933) — наглядная иллюстрация взаимоотношений между тоталитарной властью и творческой интеллигенцией. Институт книговедения представлял собой наследие демократической Февральской революции 1917 г.; он не создавался советской властью, и власть не была заинтересована в его существовании. Отсюда его нищенский финансовый и кадровый статус. Штатный состав Института никогда не превышал 10–12 человек (бывало и меньше), большинство исполнителей работало по договорам или добровольно «из любви к науке». Более двух десятков участников институтских исследований были репрессированы, нередко с трагическим финалом [1, с. 208]. Из пяти директоров Института двое были расстреляны за троцкистские взгляды. Попытки тоталитарной власти нацелить Институт на выполнение идеологического заказа (разработка

книговедения в духе революционного марксизма и ленинизма; изучение советской книги как орудия культурной революции) имитировали «книжный разум», которого фактически не было. Поэтому неудивительно, что советские книговеды и библиофилы не считали актуальным поклонение мифическому Библиологосу, честно выполняли свой профессиональный и нравственный долг. По словам М.Н. Колесниковой, «Институт книговедения оказался примером научной стойкости профессионалов, сделавших больше, чем было возможно» [1, с. 224].

На мой взгляд, монографию «Опережавшие время», в которой добросовестно и детально собраны биографические сведения о более чем двух сотнях долговременных и эпизодических сотрудников Института, можно назвать «справочником библиокниговедческой элиты Ленинграда 1920-х годов». Привлекают внимание класси-

ки книговедения: П.Н. Берков, М.Н. Куфаев, А.М. Ловягин, А.И. Малеин, П.К. Симони; основоположники русской библиографии: С.Д. Балухатый, С.А. Венгеров, О.А. Добиаш-Рождественская, А.Г. Фомин, К.И. Шафрановский; выдающиеся библиотекведы: В.Э. Банк, Б.П. Гущин, Е.Н. Добржинский, Б.Р. Зельцле, С.Г. Карпова, Е.Ф. Проскуракова и многие-многие другие.

Библиологический универсум и рождение Библиологоса

Библиологический масштаб научной и образовательной деятельности Института книговедения (рис. 2) охватывал не только теоретические и методические проблемы библиографии, но и историю рукописной и первопечатной книги, полиграфию и книжную торговлю, книгоиздательство в СССР и за рубежом, методы библиотечной работы, десятичную классификацию, историю библиотек и др. В поле зрения сотрудников находились все классические проблемы библиографоведения, библиотековедения, книговедения, причем, как отметила М.Н. Колесникова, энтузиасты-исследователи «откликались на самые злободневные вопросы библиографоведения, а порой даже опережали реальный процесс развития научной мысли» [1, с. 177]. Об этом, в частности, свидетельствует выступление М.Н. Куфаева в феврале 1924 г. перед слушателями курсов книговедения в Институте. Он изложил свою концепцию комплексной науки о книге, которая, по его мнению, должна включать историю книги, библиографию, библиотековедение, издательское и типографское дело, библиопсихологию и библиосоциологию [4, с. 61–68]. Очевидно, что в «комплексной науке о книге» М.Н. Куфаева центральное место должно принадлежать Библиологосу, ибо без «книжного разума» межнаучный универсум книговедческого знания создать нельзя.

В стенах Института книговедения развивалась творческая мысль, послужившая обогащению и развитию отраслевых библиологических наук — библиотековедения, библиографоведения, книговедения. Почему принято говорить «мысль», а не «логос»? Логос, конечно, мысль, но не всякую мысль можно отождествить с логосом. Почему А.Н. Ванеев (1925–2019) посвящал свои фундаментальные труды истории библиотековедческой мысли в России [5; 6], а не библиотечному логосу? Причина понятна: традиционная отраслевая мысль охватывает не книжный универсум в целом, а лишь его библиографический, библиотечный, издательский, книготорговый или другой отраслевой аспект. Вследствие этого история библиосферы и ее теоретические и практические взаимосвязи выпадают из поля зрения, поскольку частные «истории отраслевой мысли» вытесняют интегральную «историю Библиологоса». Получается пробел в библиологическом знании, который самоотверженные сотрудники Института книговедения пытались заполнить, способствуя возрастанию Библиологоса в своей научной и образовательной деятельности.

Подводя итоги исследования, М.Н. Колесникова заключает: «Сегодня можно со всей очевидностью утверждать, что Институт книговедения сыграл значительную, в свое время недооцененную роль в становлении советской теории и практики библиографии и книговедения 1920-х — начала 1930-х гг.» [1, с. 207]. Называя его «первым государственным центром профильных научных исследований», она пишет, что «Институт смог бы вырасти в подлинно научно-исследовательское учреждение, если бы общее развитие страны пошло по-другому. Для этого у него были достаточные основания — продуманная, конструктивная программа деятельности, сильный коллектив энтузиастов, готовых, несмотря на трудные условия, вывести отечественную науку о книге на новый уровень. Внешние обстоятельства сложились не в его пользу. Постоянный недостаток средств, бюрократические запреты, надуманные обвинения в несоответствии запросам времени, непонимание реального значения подобного учреждения в книжно-библиотечном строительстве, конкуренция с другими профильными организациями и т. п. — все это помешало Институту сохранить и продолжить свою деятельность» [1, с. 222].

М.Н. Колесникова мудро заметила: «Взгляд в прошлое — возвращение к истокам —

Рис. 2. Логотип Института книговедения [1, с. 277]

никогда не бывает бесполезным...» [1, с. 7]. Полностью с нею соглашаясь, добавим только, что, учитывая риски цифровых трансформаций в библиосфере XXI в., Библиологос наверняка пригодится России в обозримом будущем. Новому поколению интеллигентов-книжников необходимо сохранить добрую память о ленинградском Институте книговедения, который послужил «колыбелью русского Библиологоса» в истории книжной культуры.

Примечание

- ¹ Наименования учреждения: 1920 г. — Российский институт книговедения; 1921–1923 гг. — Петроградский институт книговедения; 1924–1925 гг. — Ленинградский институт книговедения; 1926–1933 гг. — Научно-исследовательский институт книговедения [1, с. 5].

Список источников

1. Колесникова М.Н. Опережавшие время: к 100-летию Института книговедения (Петроград-Ленинград, 1920–1933 гг.) : монография / науч. ред. Г.В. Михеева. Санкт-Петербург : Русская христианская гуманитарная академия, 2020. 292 с.
2. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. Москва : ВЛАДОС; Русский Двор, 1997. 576 с.
3. Аверинцев С.С. Собрание сочинений. София — Логос : словарь. Киев : Дух и Литера, 2006. 912 с.
4. Куфаев М.Н. Избранное: труды по книговедению и библиографоведению. Москва : Книга, 1981. 223 с.
5. Ванеев А.Н. Развитие библиотековедческой мысли в СССР. Москва : Книга, 1980. 232 с.
6. Ванеев А.Н. Развитие библиотековедческой мысли в России, XI — начало XX в. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2018. 348 с.

The Birth of Bibliologos. To the 100th Anniversary of the Institute of Book Studies

Arkadiy V. Sokolov,

St. Petersburg State Institute of Culture, 2 Dvortsovaya Emb., St. Petersburg, 191186, Russia
ORCID 0000-0002-7745-2174; SPIN 7496-4193
E-mail: sokolov1.spb@gmail.com

Abstract. M.N. Kolesnikova's monograph "Ahead of Time. To the 100th Anniversary of the Institute of Book Studies (Petrograd-Leningrad, 1920–1933)", published in 2020, is a valuable contribution to the history of book science, library science, bibliography science, the general history of Russian culture and a fascinating textbook for students of library, information and media cultural school. The history of the Institute of Book Studies is a vivid illustration of the relationship between the totalitarian power and the creative intelligentsia. The monograph, which contains detailed biographical information about the employees of the Institute of Book Studies, can be called a reference book of library science and book science elite of Leningrad in the 1920s. All the classic problems of bibliography science, library science and book science were in the field of view of the staff of the Institute of Book Studies. Considering the constructive program of activities and the strong team of enthusiasts, the Institute could have grown into a truly research institution if the overall development of the country had gone differently. Based on the analysis of the scientific-research and educational activities of the Institute, it is concluded that it can be considered the birthplace of the Russian Bibliologos. Bibliologos is interpreted in two ways: first, as a social group of intellectuals-book lovers who ensure the functioning of the national bibliosphere; second, as a universe of bibliological knowledge embodied in book form as a result of scientific,

pedagogical and practical activities of intellectuals-book lovers. The author highlights that it is necessary to preserve the memory of the Leningrad Institute of Book Studies, which served as the “cradle of the Russian Bibliologos” in the history of book culture.

Key words: bibliography, bibliology, Bibliologos, bibliosphere, library science, Institute of Book Studies, intelligentsia, history, book science, logos, repressions, Russia, Soviet power.

Citation: Sokolov A.V. The Birth of Bibliologos. To the 100th Anniversary of the Institute of Book Studies, *Bibliotekovedenie* [Russian Journal of Library Science], 2021, vol. 70, no. 1, pp. 35–42. DOI: 10.25281/0869-608X-2021-70-1-35-42.

References

1. Kolesnikova M.N. *Operezhavshie vremya: k 100-letiyu Instituta knigovedeniya (Petrograd-Leningrad, 1920–1933 gg.): monografiya* [Ahead of their Time: To the 100th Anniversary of the Institute of Book Studies (Petrograd-Leningrad, 1920–1933): monograph]. St. Petersburg, Russkaya Khristianskaya Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2020, 292 p.
2. Trubetskoi S.N. *Kurs istorii drevnei filosofii* [A Course in the History of Ancient Philosophy]. Moscow, VLADOS Publ., Russkii Dvor Publ., 1997, 576 p.
3. Averintsev S.S. *Sobranie sochinenii. Sofiya – Logos: slovar'* [Collected Works. Sofia – Logos: dictionary]. Kiev, Duh i Litera Publ., 2006, 912 p.
4. Kufaev M.N. *Izbrannoe: trudy po knigovedeniyu i bibliografovedeniyu* [Selected Works on Book Science and Bibliography Studies]. Moscow, Kniga Publ., 1981, 223 p.
5. Vaneev A.N. *Razvitie bibliotekovedcheskoi mysli v SSSR* [Development of Library Science Thought in the USSR]. Moscow, Kniga Publ., 1980, 232 p.
6. Vaneev A.N. *Razvitie bibliotekovedcheskoi mysli v Rossii, XI – nachalo XX v.* [Development of Library Science Thought in Russia, 11th – Early 20th Century]. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskii Gosudarstvennyi Institut Kul'tury Publ., 2018, 348 p.